

Светлана Зайкина

РИСОВЫЙ СУП

РАССКАЗ

То далекое лето моего детства было очень жарким, и мы целые дни пропадали на Подкумке, протекавшем у нашей станицы. Берега речки густо заросли плакучими ивами, орешником, шиповником, дикими яблонями. Вода в реке была холодная и прозрачная, на поворотах и небольших омутах мелькали пескари и усачи.

Для нас, станичных ребятишек, мир тогда источал только запахи укропа, поспевших яблок и тех сладких корешков, которые мы откапывали в лесных овражках. Дни плыли один за другим, как утки по реке, и жизнь наша катилась колобком по лесным тропкам, таинственным, сумрачным оврагам.

И вдруг слово «война».

Прискакал на взмыленной лошади парень и швырнул камнем это слово. Казалось, оно ударило маму и незнакомо изменило лицо отца.

Война!.. Война!..

Именно это слово и заставило людей узнать тяжелую дорогу скитаний. Через станицу шли скрипучие подводы с детьми и наспех увязанными вещами. А в садах гулко падали яблоки.

Людей на подводах называли длинным словом: эвакуированные. Выговорить его было почти невозможно. Позднее, влившись в этот поток, мы с братом поняли, что эвакуация—это длинная, длинная дорога по степям с безжалостным солнцем и ночное небо с гудящими звездами.

Но дорога имела конец. Она привела нас в Баку, город, напоминающий безмерно усталого человека, который, несмотря ни на что, умело управлял человеческим потоком, лившимся через Каспийское море в Среднюю Азию: руслом для него были корабли, которые постоянно сновали, как челноки, между Баку и Красноводском. И мы — мама, брат и я — растворились в этом

потоке.

Город бомбили маленькие, похожие на игрушечные, самолеты. Они бросали длинные, черные капли на город, море, корабли.

Мы плыли на большом корабле, свесившись через борт, смотрели, как играют нырки.

Вдруг налетели самолеты, вокруг корабля вздыбились гулкие фонтаны, и корабль, идущий не очень далеко от нас, странно накренился и начал погружаться, как маленький бумажный кораблик, который мы пускали по реке. Мы, дети, не понимали, что там гибнут люди. Детский ум отказывался понимать это» Мы росли для жизни, по существу, только просыпались для нее, и слово «смерть» для нас просто не существовало.

А дальше — белые от зноя пески и затерявшийся в них крошечный городок с единственной улицей, скользкими арыками, глинобитными домиками, сказочно-недосягаемыми дынями.

Но дыхание войны слышалось и здесь: отдыхали от тяжелых боев и пополнялись людьми воинские части, в военкомате толпились мобилизованные.

Нас разместили в бараках. В маленькой комнате скучилось пять семей. Однажды ночью умер старик, наш земляк. Мы потом долго спрашивали мать, куда он ушел.

А нам все время нестерпимо хотелось есть. Мы росли и напоминали облезлых голенастых цыплят. Мама целые дни пропадала в поисках работы, от отца мы ничего не слышали с первого дня войны. Предоставленные сами себе, мы варили кашу из чумизы, заправляли ее хлопковым маслом и, наевшись, уходили ловить ежей.

Мы совсем перестали играть. Детство ушло, потерялось где-то на дорогах скитаний.

Отец с трудом разыскал нас, случайно напав на наш след. Он приехал за нами с Брянского фронта и увез нас с собой в местечко, где стояла его воинская часть.

Ехали долго, а может быть, это только казалось, так как за окнами вагона были пески, пески и лишь иногда вслед за поездом бежало темным клубком перекатипole.

Отец водил нас «откармливать» в вагон-ресторан. Как-то пошли обедать, и отец взял для нас рисовый суп с курицей. Беспрерывно открывались двери, впуская все новых и новых посетителей. Вошла медсестра, ведя молоденького лейтенанта-летчика, почти мальчика.

Она держала его за локоть, так как кистей рук у него не было, все лицо в пороховых ожогах, а вместо глаз — темные впадины.

Я и брат не могли больше есть, а только смотрели, смотрели на него, на безглазого и безрукого, а медсестра медленно кормила его рисовым супом с курицей.

Все, что до этого случилось с нами, было следствием войны, здесь же война подошла к нам, детям, вплотную, и взглянула на нас пустыми глазами этого безрукого мальчика лейтенанта-летчика.

И что бы мы ни пережили потом, самое страшное произошло здесь, сейчас— детство ушло от нас окончательно, даже не оглянувшись. И навсегда в памяти осталось это мальчишеское безглазое лицо и... рисовый суп с курицей.